

Очнувшись, Дин Су поначалу решил, что ночь еще не миновала. Он с трудом поднялся на ноги. Прямо над головой, локтях в пяти, виднелось маленькое оконце, перечеркнутое железными прутьями толщиной в палец. В тесной камере царил непроглядный мрак, и лишь сквозь решетку пробивалось несколько бледных лучей.

Этого скудного света хватило, чтобы осмотреться. Дин Су понял, что заперт в каменном мешке: тесная конура — сажени в две глубиной и едва ли в сажень шириной. Единственным выходом был собачий лаз, перекрытый решеткой из кованого железа, прутья которой были вдвое толще оконных. Дверца была наглухо заперта на замок.

Осознание случившегося ударило в голову. Дин Су бросился к решетке и принялся яростно трясти её, но преграда стояла незыблемо, точно гора Тайшань. Ощупав стыки, он понял, что петли намертво вмурованы в стену. Простучал кладку — звук везде был глухим и плотным, ни намёка на пустоты. Замок, едва он коснулся его, отозвался холодной, неподатливой тяжестью. Гнев и отчаяние захлестнули его: он понял, что в эту дыру его, находящегося в беспамятстве, затолкнули силой, точно тюк.

Поняв, что дверь не поддастся, он решил искать другой путь. Пользуясь навыками легкости, оттолкнулся от стены, взлетел вверх и вцепился пальцами в оконную решетку.

Снаружи все еще стояла глубокая ночь. Он различал лишь неясные очертания высоких деревьев да густые заросли трав, которые в неверном свете колыхались, точно призраки. Луна то пряталась за облаками, то показывалась вновь, а где-то далеко впереди едва брезжило слабое сияние.

Осмотрев окно, Дин Су убедился, что оно еще надежнее двери: прутья уходили глубоко в камень. Поняв, что бежать некуда, он спустился, сел на пол и закрыл глаза, решив беречь силы.

Прошел добрый час, прежде чем донесся скрип открываемой двери. Дин Су притворился, что всё еще спит, и не шелохнулся. Вскоре послышались тяжелые шаги — это пришел тот самый слепец с подносом в руках. Судя по уверенным движениям, он знал здесь каждый угол. Тот присел, протолкнул в лаз миску с рисом и чашку воды, после чего собрался уходить.

Дин Су, выждавший нужный момент, больше не мог сдерживаться. Он рванулся к решетке и, вцепившись в прутья, закричал:

— Эй! Слышишь, слепец?! Выпусти меня! Я тебе не богатый наследник, ты точно ошибся! Ошибся, слышишь?! Отпусти!

Слепец замер, обернулся и ослабил, обнажив щербину на месте выбитых зубов.

Дин Су упал духом:

— Ладно, признаю, это я вышиб тебе зубы. Но ты первый на меня напал! Слушай, у меня нет денег. И я, как видишь, не красная девица. Толку от меня никакого. Просто отпусти, и сделаем вид, что ничего не было, идет?

Слепец лишь покачал головой. Он указал пальцем на еду, а затем — на свой рот.

— Хочешь, чтобы я поел?

Тот кивнул и подтолкнул поднос чуть ближе.

— Хорошо! Будь по-твоему! Поем, а ты меня выпустишь! — Дин Су и впрямь был голоден, да и спорить сейчас было бесполезно. Он затянул поднос в камеру. Ужин оказался скудным: миска риса с парой плавающих листков зелени и стакан воды. Подавив гнев, он съел всё до последней крошки и осушил чашку.

Слепец, казалось, остался доволен. Покачивая головой, он забрал пустую посуду и зашагал прочь.

— Постой! — крикнул Дин Су. — А как же свобода?!

Слепец не был глухим, но, очевидно, слышал лишь то, что хотел. Он даже не обернулся и вскоре исчез за дверью.

Когда окончательно рассвело, Дин Су во весь голос принялся звать на помощь:

— Спасите! Помогите! Я заперт в подземелье! Кто-нибудь!

Он вкладывал в крик всю внутреннюю силу, надеясь, что голос разнесется на несколько ли во все стороны. Но время шло, утро сменилось полднем, а ответом ему была лишь тишина. Ни души.

Дин Су начал лихорадочно вспоминать ту ночь, когда слепец тащил его на себе. Судя по всему, та лачуга стояла на распутье дорог: одна вела к поместью Духовного Пламени, другая — в сторону города Вэй, до которого было не меньше сотни ли. Путь лежал через бурелом и болота, места совершенно дикие и безлюдные.

Лишь на закате снова послышались шаркающие шаги. Слепец явился с тем же набором: рис, немного солений и вода.

При виде этого жалкого пайка Дин Су вскипел. Он вскочил и одним ударом перевернул поднос, разбрасывая еду.

— Ты за кого меня принимаешь?! За скотину на убое?! Зачем ты меня здесь держишь? Если хочешь убить — убивай, но не смей мариновать меня в этой яме!

Лицо слепца дернулось, заставляя многочисленные шрамы сплетаться в жуткий узор. Он не проронил ни звука и, кажется, даже не рассердился. Он спокойно нащупал опрокинутую посуду, собрал её и повернулся, чтобы уйти.

Дин Су ощутил настоящий страх. В этом склепе, где время замерло, только этот странный урод был его единственной связью с миром живых. От одиночества можно было сойти с ума.

— Не уходи! Слышишь?! Если в тебе есть хоть капля чести, выпусти меня и сразись в открытую! Запереть человека в клетке — невелика доблесть! Не смей уходить! Слышишь?! Ты...

Слепец не обратил на него ни малейшего внимания. Вскоре звук его шагов затих.

Следующие пять дней он не приходил. В темнице воцарилась стерильная чистота — ни крыс, ни насекомых. Гнев Дин Су сменился сосущей пустотой в желудке и нестерпимой жаждой. Он ползал по полу, выискивая разлетевшиеся зерна риса, но голод был ничем по сравнению с тем, как саднило горло, словно опаленное огнем. Он лежал пластом на холодном камне, стараясь не шевелиться, чтобы сберечь последние капли влаги. Когда на исходе пятого дня слепец вернулся, у пленника не осталось сил даже на шепот.

Тот снова принес рис и воду. Как только поднос оказался в пределах досягаемости, Дин Су рванулся вперед и в несколько глотков осушил чашку.

— Еще... дай еще... — прохрипел он сорванным голосом.

Однако слепец лишь покачал головой и направился к выходу.

Дин Су осознал: этот человек глух к любым мольбам. Любое слово было точно удар кулаком в вату — сила просто гасла, не давая результата. Он бессильно откинулся на спину, глядя в лоскуток неба над головой.

В следующий раз, когда принесли еду, Дин Су вел себя иначе. Он не кричал и не проклинал. Молча поел, аккуратно поставил чашку на поднос и пододвинул его к решетке.

Слепец, видимо, оценил покорность и одобрительно кивнул. Дин Су, сидя в центре камеры и лениво постукивая пальцем по колену, негромко спросил:

— Послушай, кто за тобой стоит? Кто приказал меня схватить?

Он впился взглядом в лицо похитителя. И не ошибся: при этих словах слепец на мгновение окаменел. Дин Су продолжил, развивая успех:

— Ты ведь слеп. Кругом болота и трясына, а прошел ливень. Зачем бы тебе без нужды переться в такую даль, в лес Ревущего Ветра, и тащить меня на себе? Значит, выполнял приказ. Это первое. В той хижине ты явно живешь один, но на столе стоял подсвечник. И свеча в нем была свежей. Значит, её зажигали недавно. И это был не ты. К тебе кто-то приходил. Это второе.

Слепец медленно поднял голову, уставившись на Дин Су своими незрячими глазами.

— И третье, — Дин Су не сводил с него глаз. — Дурман, которым ты меня опоил, слишком уж редкий. У меня есть друг, его мать происходила из величайшего клана отравителей с востока. Он рассказывал мне об этом зелье. Называется «Плывущий аромат». Запах у него тонкий, как у лесной орхидеи, манит к себе, кажется то близким, то далеким... Но стоит вдохнуть его — и всё. Даже мастер боевых искусств рухнет замертво. Открыл флакон — и в радиусе ста шагов всё живое засыпает на сорок девять страж.

Дин Су никогда не сидел над учебниками по медицине, но, постоянно находясь рядом с Лю Юем, он слышал об этом снадобье десятки раз. «Плывущий аромат» был гордостью секты Синьюэхай. Кто бы мог подумать, что он испытает его действие на себе?

Заметив, как лицо слепца дрогнуло, Дин Су добавил:

— У этого яда есть лишь одно противоядие — свежая кровь. В ту ночь я выбил тебе зубы, и кровь, залившая тебе рот, спасла тебя от действия дурмана. Я ведь прав? Если да — кивни.

Сомнений не оставалось. Лицо слепца исказилось в судороге, и спустя долгую паузу он действительно едва заметно кивнул.

Дин Су почувствовал, как внутри всё похолодело. Он намеренно утаил одну деталь: «Плывущий аромат» изготавливали только в Синьюэхай, и даже у Лю Юя его не было — единственный флакон принадлежал его отцу, Лю Чантяню. Синьюэхай находилась далеко на северо-востоке и никогда не вмешивалась в дела мирян. Как этот бродяга мог быть связан с ними?! Он вспомнил, как видел Лю Чантяня в болотах... Неужели это он?! Но зачем главе поместья Духовного Пламени похищать и запирает в этой дыре простого слугу?!

Слепец тем временем собрался уходить. Дин Су, затаив дыхание, выждал момент. Как только похититель потянулся к подносу, пленник резким выпадом вцепился в его рукав, а другой рукой железной хваткой сжал запястье, втягивая врага в камеру. Перед тем как отдать посуду, Дин Су чуть сдвинул поднос к себе, вынудив слепца подойти вплотную к решетке.

Расчет оправдался. Дин Су рванул его на себя с такой силой, что слепец застрял плечом между прутьями. Пленник расхохотался:

— Всё-таки я тебя перехитрил! Что, не ожидал такого от зрячего? Теперь мы квиты. Отдавай ключи, и я тебя отпущу. Сделаем вид, что ничего не было, идет?

Лицо слепца дернулось. Он отчаянно пытался вырвать руку, но Дин Су, восстановивший силы, держал крепко, вливая в хватку всю свою внутреннюю энергию. Несмотря на силу, слепец оказался в ловушке: зажатый прутьями, он не мог применить свои навыки.

— Не выпустишь меня — сам отсюда не уйдешь! — отрезал Дин Су.

Они замерли по разные стороны решетки. В руке слепца уже что-то угрожающе хрустнуло, но он не издал ни звука. Дин Су, действуя быстро, сорвал с себя пояс и намертво прикрутил руку врага к прутьям.

— Посмотрим, кто из нас упрямее! — Дин Су решил идти до конца. Он был уверен, что рано или поздно боль заставит слепца сдаться и отдать ключи.

Похититель еще немного поборолся, а потом внезапно затих. Он постоял мгновение, а затем запустил свободную левую руку за пазуху. Дин Су обрадовался, решив, что тот ищет ключи:

— Вот и молодец. Обещаю, как только выйду, пальцем тебя не трону...

Слова застряли в горле. Из-за пазухи слепец достал не ключи, а остро отточенный кинжал.

Дин Су, опасаясь подвоха, резко дернул пояс на себя, вжимая руку противника в решетку и выворачивая её под неестественным углом. Слепец охнул от боли, занес кинжал для удара... но Дин Су с ужасом увидел, что лезвие направлено не на него.

— Не может быть... неужели он...

Мысль не успела оформиться, как слепец коротким, чудовищным по силе ударом полоснул себя по плечу. Отсеченная рука осталась висеть на решетке, а искалеченный человек, обливаясь кровью, шатнулся назад. На его изуродованном лице, ставшем от боли еще страшнее, промелькнуло подобие торжествующей усмешки. Он издал хриплый, свистящий звук, словно насмехаясь над бессилием пленника.

Дин Су стоял, сжимая в руках свой пояс, на котором в петле покачивался окровавленный обрубок. Он смотрел на него, оцепенев от ужаса, и не мог произнести ни слова.

<http://bllate.org/book/17461/1694111>